

Сытые и довольные, арестанты не успели и глазом моргнуть, как на пороге снова появился Дин Тянь.

— Каждому по чайнику кипятка, — объявил он. — Расходуйте бережно, следующую порцию принесу только вместе с ужином.

А для умывания и мытья рук оставалась лишь холодная вода.

Собрав опустевшие миски, которые гости вылизали практически дочи́ста, Дин Тянь унес их с собой — посуду он всегда мыл сам.

Никакой порки для острастки, никаких привычных тюремных ужасов, о которых обычно твердят в народе. А этот мелкий главный тюремщик — самый весьма любопытный... Ван Цзо с интересом проводил его взглядом.

Впрочем, до его ушей донеслись яростные вопли Ху Рябого из соседней камеры. Этот бандит был всего лишь послушным клинком в чужих руках. Теперь, когда его бросили гнить за решетку, интересно, сгодится ли это оружие еще на что-нибудь?

Ван Юдэ, разомлев от сытной еды, завернулся в теплое ватное одеяло и снова улегся на кан.

Дин Тянь тем временем подбросил в топку еще одну вязанку конопляных стеблей. Стоило им разгореться, как по кану разлилось живительное тепло, которого должно было хватить до самого вечера — тем более что днем сквозь тучи проглядывало солнце, согревая воздух.

Главный тюремщик снял с окна плотную циновку, и, хотя свет по-прежнему с трудом пробивался сквозь промасленную белую бумагу, в камере заметно посветлело.

Он даже сполоснул их ночную бадью. Арестантов в блоке было раз-два и обчелся, так что Дин Тянь хлопотал по хозяйству сам, без помощников.

Пока со всем закончил, солнце уже поднялось в зенит. Вернувшись к себе, Дин Тянь наскоро помылся, переоделся и отправился напрямик в Трактир Ароматного Изобилия.

— Привет, почтенный! — закричал он с порога. — Сделай-ка мне свинину в красном соусе, потуши кислую капусту на жирной косточке, пожарь тарелку арахиса да подай капустных кочерыжек в уксусе. К этому всему — девять пышных маньтоу из белой муки и кувшин доброго вина. Хочу угостить парочку верных парней.

— Как раз получил свежую бочку крепкого гаолянового самогона, — заговорщицки подмигнул трактирщик. — Возьмешь кувшинчик на пробу?

— Давай его, — согласился Дин Тянь. Раз уж вызвался угощать, жадничать не пристало.

— Господи, да тут теперь обедает всякий сброд! Ноги нашей здесь больше не будет! — мимо Дин Тяня, брезгливо прижимая к носу вышитый платочек, проплыла какая-то дамочка. От ее жеманного тона так и веяло ядом.

Дин Тянь опешил, но тут же демонстративно скривился и принялся усердно отряхивать рукава, словно на него стряхнули нечистоты.

— Послушай, хозяин, у тебя тут приличное заведение или дешевый притон? — громко, на весь зал поинтересовался он. — Откуда здесь шатаются эти девки непотребные? Ну и ну! Цы-цы-цы...

Последнее «цы-цы-цы» он выдал особенно зычно. Трактирщик прекрасно знал, что Дин Тянь служит в управе, да и проплывшую мимо особу признал сразу — это была невестка покойного старого сюця Чэня. Самого сюця давно не стало, а его старший сын, Чэнь Лаода, вырос редкостной дрянью.

Хозяин заведения и сам терпеть не мог эту семейку, вечно воротившую нос от его страпни. К тому же эта бабенка только что помыкала его собственной женой, будто прислужой. Ишь, фифа выискалась!

— Ой, братец Дин, да ты обозался! — ухмыльнулся трактирщик, решив воспользоваться случаем и проучить наглую гостью. Счет они уже оплатили, так почему бы не заступиться за супругу? — Это же благоверная нашего Чэнь Лаоды! К ним вроде как родня нагрянула, вот они и решили шикануть. За столом одни бабы, мне туда соваться не с руки, пришлось моей жене около них прыгать. Ох уж эти грамотеи, всё у них по этикету! Тарелки после себя вылизали так чисто — мне и мыть не надо!

— Да неужто? — прыснул Дин Тянь, красноречиво покосившись на затылок уходящей женщины, чьи плечи так и тряслись от безмолвной ярости. — А ты её часом голышом не застучал, пока она там тарелки вылизывала? Ну и повезло же тебе, хозяин!

Трактирщик громогласно расхохотался, и оба они весело, со смаком залились похабным смехом.

Услышав это, невестка Чэней едва не бросилась назад с кулаками, но спутница вовремя ухватила её за рукав.

— Сдурела? — зашептала та. — Лезть к ним сейчас — только позориться!

На самом деле спутница и сама едва сдерживала гнев, но понимала: нечего было вообще тащиться в трактир и распускать язык. Бабам спорить с мужиками в таком месте — себе

дороже. За соседними столами сидели местные выпивохи и праздные лавочники — публика беспардонная и скорая на расправу.

Они уже всю улюлюкали вслед уходящим:

— Эй, хозяин, так она и впрямь голая была?

— Да на что там смотреть-то? Чай, не девка молодая, а бабища увядшая!

— Не иначе как содержательница борделя пожаловала!

— Неужто у нас в уезде новый веселый дом открывают?

— И почем нынче такие прелести?..

Похабные шуточки становились всё грязнее. Спесивые кумушки едва сдерживали слезы обиды. Кое-кто порывался развернуться и устроить свару, но товарки упрямо тащили их к выходу. Ввязываться в перебранку с пьяной толпой было делом заведомо проигрышным. К тому же у двух женщин из их компании дома подрастали дочери на выданье — пусть люди дурную славу, и пиши пропало...

<http://bllate.org/book/19387/1997476>